

Тот же болтун не унимался:

— Ой, а я только смотрю и не вижу, какие еще дела могут быть в вашей развалине? Если старик Сюаньшуан воспитал такого ученика, то с воспитанием у него явно проблемы. Это что, у вас такое гостеприимство?

На себя он мог стерпеть.

Но на слова о своем наставнике терпения у него не было.

Кулак Байли Сюня тоже был не из слабых. Тот глава, как видно, давно бросил тренировки, ноги у него были ватные, и от удара Байли Сюня он потерял ориентацию в пространстве.

Тот долго приходил в себя, осознавая, что его ударили.

— Ты... ты... как ты смеешь бить меня? Его слишком тучное тело дрожало вместе с движениями.

Хотя этот парень и был главой школы, но управлять не умел. Называть его бездарью — было бы даже комплиментом.

Байли Сюнь не придал этому значения и с пренебрежением спросил:

— У кого-нибудь из вас есть еще какие-то дела?

Все переглянулись и, сохранив рассудок, покинули это место.

Хотя Байли Сюнь и выглядел молодым, его сила не вызывала сомнений. А если бы действительно началась драка, кто бы смог победить обнищавшее поместье Иньюэ?

Тот, кому нечего терять, никогда не боится потери.

Остальные, глядя на это, спустились с горы и ушли. Тот, кто буянил, вероятно, счел, что терять лицо слишком дорого, но никто его не поднимал. А вставать самому казалось слишком унижительным. Байли Сюнь холодно смотрел на него, сводя с ума своим взглядом. Тот, делая вид, что спокоен, произнес:

— Эй, парень, я даю тебе шанс. Помоги мне встать, и я прощу тебя!

Байли Сюнь лишь бросил на него презрительный взгляд и с раздражением сказал:

— Убирайся подобру-поздорову. В поместье Иньюэ не держат таких отбросов.

Слово «отброс», возможно, задело больное место того человека. Не обращая внимания на то, вставать или нет — стыдно или нет, — он встал и указал пальцем на Байли Сюня. Жаль, роста ему не хватало, и выглядел он гораздо менее внушительно.

— Ты у меня поплачаешь! Ты отброс из отбросов школы!

Байли Сюнь пнул его, и тысячи ступеней поместья Иньюэ хватило бы, чтобы он катился еще долго. Обычному человеку это грозило бы смертельной опасностью, но даже такой бездарь должен был обладать хоть какой-то внутренней силой. Байли Сюнь не стал о нем заботиться, закрыв ворота. Только тогда он сдулся, словно шарик, и бессильно обнял сам себя. Теперь кто угодно мог смотреть свысока на поместье Иньюэ, но именно поэтому он не мог позволить себе

ударить в грязь лицом перед этой публикой!

Когда подошел Су Юй, он увидел его в самый уязвимый момент. Между ним и Байли Сюнем не было отношений учитель-ученик, они были братьями по школе.

По логике, в такое время именно он должен был бы брать учеников, но он все же настаивал, чтобы Су Юй стал учеником наставника.

Он сказал:

— В беде у школы ты должен быть учеником наставника. Я не могу научить тебя многому, все это мне дал наставник.

Су Юй был на четыре-пять лет младше Байли Сюня. Он рано повзрослел, но все еще не до конца понимал слова Байли Сюня. Однако боль Байли Сюня за это время он ощущал самым настоящим образом.

Он обнял Байли Сюня, чувствуя, как тот дрожит.

— Шисюн, не бойся. Я еще здесь.

Байли Сюнь помнил, что по крайней мере один человек уже говорил ему такие слова.

Сюнь, не бойся.

Сюнь, Сюнь...

Байли Сюнь словно получил удар током, оттолкнул Су Юя. Увидев на лице Су Юя полусмешанное-полувиноватое выражение, он пришел в себя:

— Прости.

С тех пор, как Су Юй познакомился с Байли Сюнем, он почти никогда не видел на его лице никаких эмоций. Только когда он украдкой наблюдал за ним, он мог заметить ту боль и ту борьбу на его лице.

Постепенно, в общении с Байли Сюнем по мелочам, он сам считал, что его талант не выдающийся, многим основам Байли Сюнь учил его очень долго. Он знал, что в сердце Байли Сюня жила глубокая ненависть, которую нужно было отомстить, но тот никогда не винил Су Юя. Медленно он хотел передать ему все знания, а потом пуститься в отчаянный бой.

Подумав об этом, Су Юй встrepенулся: оказывается, возможно, Байли Сюнь с самого начала не хотел, чтобы он участвовал в этой битве. Он просто хотел оставить что-то для поместья Иньюэ.

— Шисюн, я хочу стать твоей опорой. Су Юй, услышав извинение Байли Сюня, не сдержался и сказал.

— Опорой, а... — Байли Сюнь словно бормотал что-то себе под нос. — Но если я сам не буду достаточно сильным, то не смогу защитить ничего.

Люди рядом с ним менялись партиями, но тех, кого он хотел защитить, он так и не смог уберечь. Те, кто говорил, что защитит его, один за другим уже покинули его.

Мог ли он еще кому-то доверять?

— Шисюн, я могу... — Су Юй все-таки еще был слишком молод, встретив человека, которого он хотел защитить, он без остатка выкладывал все, что было у него на душе. Сколько искренности было в глазах, столько было и в сердце.

Байли Сюнь посмотрел на свет в глазах Су Юя и не смог сдержать улыбки:

— Су Юй, это высшее искусство, которое мне дал наставник. Сейчас я дарю его тебе.

Это был первый раз, когда Су Юй увидел улыбку Байли Сюня, но всегда казалось, что в его улыбке скрыта лишь печаль.

По крайней мере, сейчас он все еще не мог понять Байли Сюня.

С того дня, как Байли Сюнь прогнал людей с горы, поместье Иньюэ перестало принимать гостей.

Байли Сюнь же не выходил ни за какие ворота, усердно готовясь к Собранию улинь.

Все, что нужно было передать, он уже отдал Су Юю, а до какой степени тот постигнет суть — уже не входило в сферу его забот.

До Собрания улинь оставалось еще три месяца.

Дорога должна была занять месяц, то есть оставалось всего два месяца. Эти два месяца Байли Сюнь провел в затворничестве, именно потому, что в сердце жила жажда мести, его боевые искусства совершили скачок, и за два месяца он достиг высот, до которых обычный человек не мог пойти.

Когда он вышел из затворничества, Су Юй стоял снаружи. Общее впечатление от Байли Сюня изменилось, он стал еще более молчаливым. Чем ближе было то время, тем более холодным и немногословным становился Байли Сюнь.

— Шисюн. Су Юй осторожно начал говорить. Он не знал, какая именно фраза в тот день задела его холодного шисюна, но он мог чувствовать, что между ним и шисюном всегда стоит какой-то барьер, который трудно преодолеть.

Он жил с шисюном в одном дворе уже несколько месяцев. Когда он только пришел, хотя шисюн и был молчалив, он иногда все же разговаривал с ним. Хотя он и вступил в школу поздно, он знал о былом величии этого поместья, поэтому он знал, чего боится шисюн.

Хотя шисюн не любил говорить, но когда он в обычное время практиковался, шисюн сидел рядом и смотрел, иногда подавая голос, чтобы указать, иногда тихо сидя рядом и читая книгу, создавалось ощущение тихого и мирного времени.

Но это спокойствие было разрушено начиная с того дня.

Байли Сюнь передал ему все секретные свитки поместья Иньюэ и сказал:

— Эти ты изучай сам, нет нужды торопиться.

Оставив эти слова, Байли Сюнь провел какое-то время в медитации на задней горе, а потом немедленно ушел в затворничество.

Байли Сюнь больше не показывал перед ним ни капли слабости, те слабые эмоции, казалось,

были выплеснуты на задней горе, и когда он вышел, это был безупречно чистый Байли Сюнь без чувств.

— Если я не смогу вернуться живым, Су Юй, хорошо защити поместье Иньюэ. Тем мечом Бэньсинь, в нужное время, ты можешь пользоваться.

Тот меч, который висел на самом заметном месте, Байли Сюнь никогда не поднимал, это был первый раз, когда он говорил о нем Су Юю, но это звучало так, словно он передавал последние завещания.

Су Юй почувствовал тревогу:

— Шисюн, на Собрание улинь я тоже хочу пойти. Пока ты был в затворничестве, я уже многого добился.

Слова его не были ложью. Хотя Су Юй учился поздно, но уже было достаточно, чтобы превзойти тех учеников, которые усердно практиковались несколько лет, он действительно мог сам справляться с делами.

Байли Сюнь погладил его по голове:

— Впереди опасно, Су Юй, тебе нет необходимости рисковать вместе со мной. То, что ты смог остаться, когда все остальные сбежали в страхе, я уже очень благодарен. Это можно считать исполнением одного моего желания. Поместье Иньюэ в твоих руках обязательно сияет.

— Нет, я не ради этого... — эти слова звучали все более и более неправильно. Казалось, Байли Сюнь шел не мстить, а идти на смерть, как он мог так спокойно смотреть...

— Су Юй. Сейчас я глава поместья Иньюэ, в этом поместье я решаю. Когда наступит день, когда будешь решать ты, я буду тебя слушаться.

И затем оставил Су Юю лишь спину, которую тот никогда не сможет догнать.

Путешествие в этот месяц не было очень медленным. По сравнению с прошлым походом на гору Хуньдунь, его сердце было еще более встревоженным. События произошли год назад, но для Байли Сюня та сцена все еще была перед глазами.

Чусинь больше не вспыхивал красным светом, и с Бэньсинь больше не было никакой связи.

<http://bllate.org/book/17723/1656673>